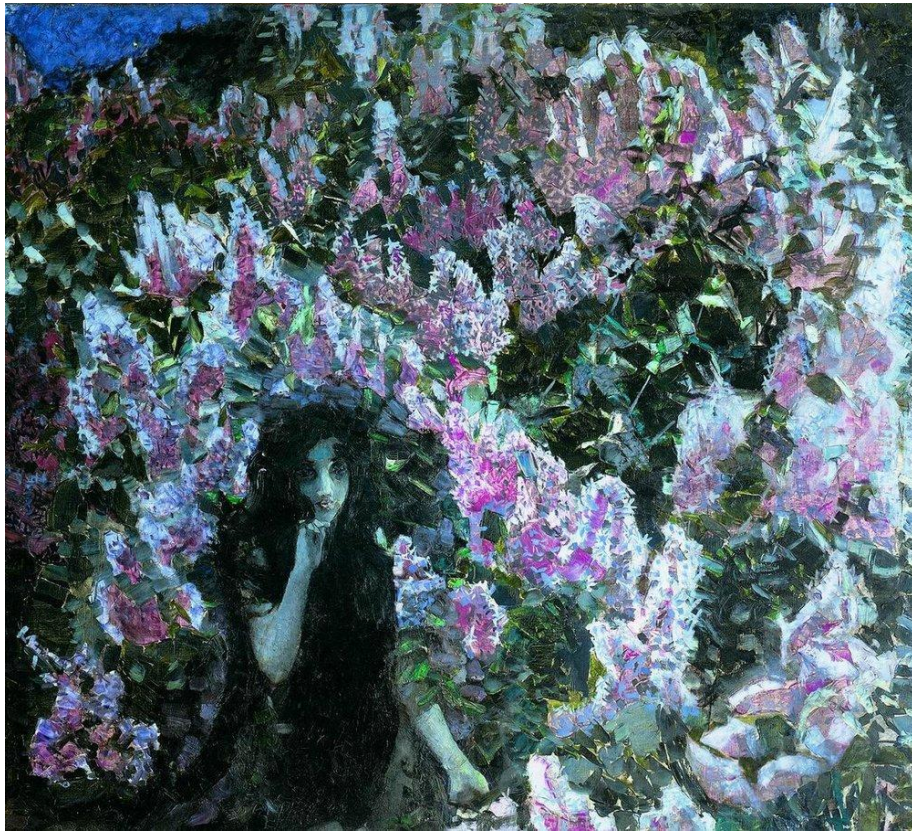

Ю. М. Нагибин
«Вечные спутники». «Сирень»

Литературно-музыкальная композиция –
фрагменты рассказа Ю. М. Нагибина «Сирень»,
отрывки произведений С. В. Рахманинова,
репродукции картин М. А. Врубеля

«Сирень», С. В. Рахманинов

... Сильные грозовые ливни, неположенные в начале июня - им время в августе, когда убраны хлеба и поля бронзовеют щетиной стерни, - усугубили сумятицу в мироздании. И сирень зацвела вся разом, в одну ночь вскипела и во дворе, и в аллеях, и в парке. А ведь положено так: сперва запенивается белая, голубая и розовая отечественная сирень, ее рослые кусты теснятся меж отдельным флигелем и конюшнями, образуют опушку Старого парка, через пять-шесть дней залиловеет низенькая персидская сирень с приторно-душистыми свешивающимися соцветиями, образующая живую изгородь меж двором и фруктовым садом; а через неделю забросит в окна господского дома отягощенные кистями ветви венгерская сирень с самыми красивыми блекло-фиолетовыми цветами. А тут сирени распустились разом, после сильной ночной грозы, переполошившей обитателей усадьбы прямыми, отвесными, опасными молниями. И даже куст никогда не цветшей махровой сирени возле павильона зажег маленький багряный факел одной-единственной кисти.

... Рахманинов стоял, задумчиво перебирая кисти сирени. Он хотел понять, почему его так тронула и странно взволновала эта встреча. Верочка Скалон была очень милостива, с прекрасными, густыми, длинными русыми, в золото, волосами, с тонкой, стремительно затекающей румянцем кожей, с пытливыми, горячими глазами и тесно сжатым ртом. Эта серьезная, даже скорбная складка рта не соответствовала мягкой лепке лица и подвергала сомнению однозначность образа доброй, недалекой девушки. Но что ему эта Верочка Скалон, Психопатушка, Генеральшенька, влюбленная по уши в друга детства Сережу Толбузина и чуть не каждый день избирающая нового фаворита, который зачастую об этом и не догадывается, поминутно вспыхивающая и немеющая от страха, что кто-то проникнет в ее великие секреты? Он, Рахманинов, - странствующий музыкант, его дело упражняться на рояле до одурения, который день корпеть над четырехручным переложением "Спящей красавицы" несравненного Петра Ильича и урывать часишко-другой для собственного сочинительства. Да, он обуян дерзостным намерением в недалеком будущем вынести на суд публики свой первый фортепианный концерт. Пора робких ноктюрнов и разных мелких пьесок миновала, он способен сказать свое слово в музыке. О прочем нечего и думать. Но как все-таки хорошо, что было это утро, тяжелые благоухающие кисти, холод капель за пазухой и девичье лицо, наивноеи патетическое...

...Она нашла замшелую скамейку под кустом белой сирени, опустилась на нее и вспомнила, как пила сиреневое вино, и ласково-грустно усмехнулась своему недавнему ребячеству. Трудно поверить, что это было позавчера.

Как многоизменилось с той поры! Она прожила целую жизнь, узнала, что любит и любима, стала взрослой, почти старой. Во всяком случае, старше Татушки, которой нужно всех очаровывать, превращать мужчин в рабов, а когда это не удается, строгий Ментор не может скрыть досады и злости. Верочке вовсе чужды эти захватнические устремления. Ей достаточно быть любимой одним, избранным ею человеком, не считая, разумеется, Сережи Толбузина, но он не идет в счет. - Психопатушка, можно к вам? - И, не дожидаясь ответа, Сережа плюхнулся на скамейку, чуть ее не развалив. От надоедливого Сашка с его окариной разговор перешел на плохую музыку вообще, затем на музыку ненужную, и Верочка возмутилась тупостью взрослых людей, считающих, что барышень непременно надо учить на фортепьянах.

- Зачем это? Мы все, кроме Татуши, совершенно бездарны, но нас заставляют каждый день брэнчать на рояле, и это в доме, где играют Зилоти и вы, Сережа. Нельзя из-под палки заниматься искусством. Кончится тем, что мы возненавидим музыку, которую любим.

Ее томило странное предчувствие: что-то должно случиться, с ней ли одной или со всем домом, хорошее или дурное, радостное или печальное, она не знала, но что-то непременно произойдет. Нынешнее равновесие было непрочным, затишье чревато бурей. Но она никому не могла сказать о своей тревоге, ее бы просто не поняли...

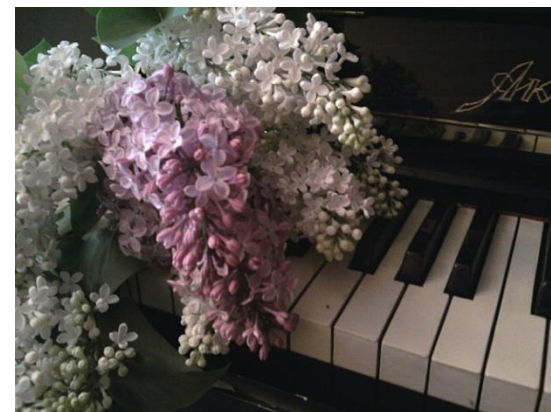
Вечером, как и обычно, катались на джонках. Верочка сидела сзади, рядом с Сережей Рахманиновым, и все время чувствовала его колючее плечо и теплый бок. Это волновало, но, к сожалению, Сережа все свое внимание отдавал примостившейся с другой стороны Татуше. Верочка впервые задумалась над тем, что мало любить самой, надо, чтоб и тебя любили. Когда она открыла в себе чувство к Сереже, то была так счастлива, что вовсе не думала о взаимности. Довольно и того, что она может любить Сережу, дышать с ним одним воздухом, разговаривать, смеяться, кататься на лодке и джонках, гулять в парке, сидеть под душистым стогом, молчать и знать - вот мой любимый, его глаза, губы, руки, милая худоба, мальчишеский смех, его радость, задумчивость, его тайна. Не надо ничего ждать и требовать взамен. Да и что может он дать, кроме самого своего существования под одним с ней небом? Но теперь Верочке хотелось, чтобы он откликнулся ее любви. Зачем? Она не умела сказать, но знала одно - любовь не радость, не счастье, если любишь только ты...

... Поздно вечером, собираясь ко сну, Наташа Сатина услышала царапающий звук. Это был их с Верочкой тайный сигнал. Прибежать к нему разрешалось лишь в случае крайней нужды, поскольку рядом находилась спальня строгой матери Наташи. В длинной белой ночной рубашке, делающей ее похожей на привидение, Наташа подбежала к окну и отдернула занавеску. Верочка стояла внизу, подняв освещенное месяцем лицо, ее русые волосы казались зелеными, а светлые глаза грозно чернели. Она была странно, невиданно и пугающе хороша. И отчаянно заколотившимся сердцем Наташа угадала, зачем она пришла. - Он любит меня, - шептала Верочка. - Понимаешь, любит... Мы объяснились... У нашей сирени... - Какая ты счастливая!.. Боже, какая ты счастливая!.. - лепетала Наташа. - Спасибо, Наташа!.. Ты хорошая, добрая. Я так тебя люблю. Ты самая, самая лучшая моя подруга... - Верочка пригоршнями бросала нежности, черпая из бездонной корзинки...

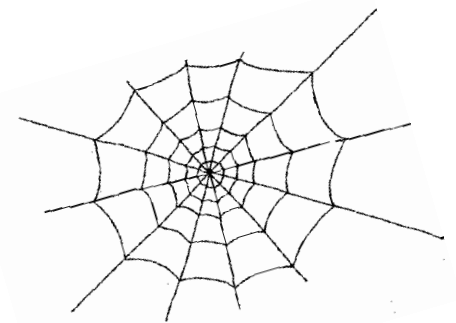

... Рахманинов пробирался сквозь кусты сирени. От былого великолепия остались редкие ржавинки, издававшие спертый запах. Он сорвал влажный лист и разжевал. Невыносимая горечь наполнила рот, это было хуже хинина. Рахманинов засмеялся. Хорошо обжечь рот, хорошо бы еще получить крепкого тумака, чтобы окончательно спуститься на землю. Он ударил себя увесистым кулаком по затылку, что-то хрястнуло, и он опять засмеялся. Ну вот, теперь все в порядке. То, что было, не приснилось, не пригрезилось, не померещилось в дурманной усталости, которая все чаще охватывала его в последние дни от мучительной незаладившейся работы. Не шел его фортепианный концерт. А теперь пойдет. Он узнал, что такое музыка. Он искал ее вовне, а она должна звучать внутри его, быть частью его самого. Сейчас он ощущал в себе емкость органа, что-то нагнеталось, вызревало, взгуживало в громадных полостях. Будет музыка...

Концерт для фортепиано с оркестром №1 фа-диез минор,
ор.1, часть1, С. В. Рахманинов

...Медленно, цепляясь за ветви сирени, проплыла паутинка. Татуша проводила ее задумчивым Взглядом. Паутина - предвестница осени. Долго и трудно вызревало это лето, чтобы потом взорваться буйным цветением, рано и быстро оно угасает. Ну и бог с ним!.. Татуша сидела на террасе, подставив загорелое, орехового цвета лицо тяжелому, жаркому, но уже усталому августовскому солнцу. Крепко печет это обманное солнце, но не прибавляет загару. Татуша лениво щурила глаза, обмахивалась маленьким веером из слоновой кости и не без удовольствия думала, что лето на исходе и скоро будет Петербург с театрами, балами, интересными людьми, а здесь в полудетском окружении она и сама оребячилась. - Сережа!.. - услышала она звонкий, с трещинкой хрипотцы голос младшей сестры Веры. Дети, даже такие большие дети, как ее сестра, не умеют говорить тихо, они орут, срывают голосовые связки и сипнут. Смолк рояль в бильярдной, и оттуда, нахлобучивая полотняную фуражку, огромными скачками, словно ирландский сеттер дяди Сатина, выскочил долговязый Рахманинов. Мама категорически запретила Верочке обращаться к кузену так фамильярно, но, видимо, дело далеко зашло, -Татуша разлепила в усмешке полные губы, - и Верочка просто не может называть Рахманинова по имени-отчеству. "Молодец девчонка! - снисходительно одобрила Татуша. - Вот как обротала этого мустанга! Куда девалась хваленая дисциплина, доходившая до фанатизма, лучшего ученика Зилоти? Учитель много усидчивей, правда, ему помогает жена, не отпускающая его ни на шаг. А Рахманинов, которого прежде и клещами не вытащить было из-за рояля, мчитя сломя голову по первому сиплону зову".

Чем же взяла Верочка? Конечно, она красива светлой, голубой, славянской красотой, но какой-то слишком уж классической, будто с иллюстрации к этнографической книге - тип русской красавицы. Ее, Татушина, красота современнее, острее, ярче. Ну а если говорить о духовном развитии, то можно ли сравнивать девчонку, томящуюся над диктантами, с автором рукописного романа, вызвавшего восхищение многих просвещенных умов? Все было в искренности, захватывающей, побеждающей, опрокидывающей любые преграды Верочкиной искренности. Этим она берет. Рядом с ней все хоть немного фальшивят. А у нее каждое движение, каждый жест, каждое слово неподдельны, каждая нота звучит чисто, и этому откликнулась музыкальная натура Рахманинова. "Дай Бог ей счастья!" - вздохнула Татуша. Она любила сестру, жалела ее больное сердце, но все-таки была рада, что лето кончается. Лето ее поражения, чего она больше никогда, никогда, никогда не допустит...

...Что же было дальше? А то, что всегда бывает: лето сменилось осенью, и опустела сатинская усадьба. Сестры Скалон вернулись в Петербург, Рахманинов и Сатины - в Москву. Но то, что зажглось в Ивановке, не погасло, хотя редки были встречи, а много ли скажешь в письмах? Верочка все болела, и ее каждое лето возили на модные заграничные курорты. Сережа Рахманинов исступленно работал, скитался, бедствовал. ... А потом их опять свело лето в той же Ивановке, где они с ликующей легкостью связали настоящее с прошлым, и еще через два года - в нижегородском имении Скалонов Игнатовке, но "три сестры" уже стали дамами, они с утра затягивались в корсеты, носили в солнцепек модные платья, огромные шляпы, похожие на цветочные клумбы... К этому времени Вера Дмитриевна открыто считалась невестой Сергея Толбузина. Да, Рахманинов блестяще кончил консерваторию по двум классам: фортепиано и свободной композиции, - его экзаменационная работа, опера "Алеко", была поставлена на сцене Большого театра, многие произведения вошли в репертуар знаменитых исполнителей, он и сам с успехом концертировал, но что все это значило для тех мерил, какими в семье Скалонов определяли ценность человека, его положение и будущее? Покорная дурной силе рода, Верочка даже не пробовала сопротивляться тому, что "в высшем суждено совете". Она была честным человеком и в канун свадьбы сожгла все письма Рахманинова - более ста - и как бы очистилась огнем. Но она сожгла что-то куда более важное, чем листы почтовой бумаги с нежными и шутливыми, серьезными и печальными, радостными и горькими, доверительными словами. Она сожгла собственную душу, все лучшее, взволнованное, трепетное и возвышенное в ней. Но догадалась она об этом далеко не сразу. В начале, упоенная взрослостью, красивым домом, успехами в свете, материнством, она не сомневалась, что живет хотя и обыденной, но полной и счастливой жизнью женщины своего круга. Она как-то упустила, что этим благополучным женщинам не выпадало в юности любви Рахманинова. О нем трудно было забыть, хотя бы просто потому, что всюду звучала его музыка, в том числе посвященная Верочке. И пусть генерал Скалон иронически щурил глаза, музыка эта была прекрасна и так много говорила ей. Верочке стало печально и пусто в ее богатом доме, и все сильнее болело сердце, которому не помогали модные итальянские и швейцарские курорты.

Судьба Рахманинова тоже складывалась непросто. Он узнал и громкий, ранний успех, и жестокое поражение, когда, бессознательно угождая петербургской неприязни к "школе Чайковского", тучный, флегматичный Глазунов, выступая в качестве дирижера, рассеянно провалил его Первую симфонию. Тяжелейший нервный и творческий кризис постиг Рахманинова, ему казалось, что он навсегда утратил способность сочинять музыку. Из этой прострации он выбирался долго и трудно. Его жизнь была неустроенна, он ютился в мебелишках, терял время на частные уроки, метался, порой причаливал к таким пристаням, где ему вовсе нечего было делать. Но в самую трудную для него пору из глубокой тени выступила женская фигура, столь знакомая своими очертаниями и вместе будто не виданная никогда, и Рахманинов понял, что спасен. Наташа Сатина, девочка с пухлыми губами, Верочкина наперсница, ставшая красивой, стройной женщиной, с волевыми терпеливым ртом, сильная плотью и духом и более всего беззаветной преданностью тому, кого выбрала еще детским сердцем, перетерпев всех и вся, выстрадав свое счастье, навсегда заняла пост любви возле Рахманинова. Она была с ним и тем черным февральским днем 1943 года, когда, отыграв последний концерт, сбор от которого, как и сбор от остальных концертов, передавался в фонд Красной Армии, защитникам Сталинграда, Рахманинов с разъеденным метастазами позвоночником не смог сам уйти со сцены и его унесли наносилках, предварительно опустив занавес. И седая, но по-прежнему стройная и сильная Наталья Александровна услышала, как прошептал Рахманинов, чуть приподняв свои прекрасные громадные руки: "Милые мои руки, бедные мои руки, прощайте!.."

Прелюдия op.23 №5 соль минор, С. В. Рахманинов

Но это - уже по прожитии большой, долгой жизни. Верочке такого не было дано. Она думала, что сможет жить, как живут другие: давать счастье мужу, воспитывать детей, встречаться с интересными людьми, уделять внимание музыке, литературе, достойно и благообразно стареть. Ничего этого не могла и не умела Верочка. Она умела лишь одно - любить Рахманинова. И когда это оказалось невозможно, ей не для чего стало жить. При таком больном сердце уйти легко. Она словно разжала руки, только и всего. Ей было тридцать четырегода... ..В память Ивановки и того странного лета, когда запоздало и мощно забродило сиреневое вино, Рахманинов написал свой самый нежный и взволнованный романс "Сирень". Там есть удивительная, щемящая, как взрыд, нота. То промельк Верочкиной души, откупленный любовью у вечности.

СИРЕНЬ
Музыка С. Рахманинова
Слова Ек. Бекетовой

Allegretto
sempre tranquillo
p
in raso

a tempo
p
mf
p

rall.
ten. a tempo
pp

f
dim.
pp

A musical score for the song 'Siren' by Sergei Rachmaninoff. The score is written on four staves of music, featuring various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings. The tempo and mood markings include 'Allegretto', 'sempre tranquillo', 'a tempo', 'rall.', and 'ten. a tempo'. The dynamic markings range from 'p' (piano) to 'pp' (pianissimo) and 'f' (forte).

Нагибин, Юрий. Собрание сочинений [Текст] : в 4 т. Т.4. Вечные спутники. Рассказы и повести (1972-1979) / Ю. Нагибин. — М. : Худож. лит., 1981. — 639 с.

Нагибин, Ю. М. Сирень [Текст]. Электронный ресурс: http://lib.ru/PROZA/NAGIBIN/r_siren.txt

Составитель – Л. Н. Якина,
Отдел социокультурной деятельности